

Северный ветер постепенно набирал силу, и среди густой зелени османтуса перед домом начали проступать крошечные золотистые цветы, чей едва уловимый сладкий аромат то появлялся, то исчезал в воздухе.

В мгновение ока наступил десятый месяц четырнадцатого года правления Канси, и осень стала густой, словно янтарь.

Весь этот месяц Шан Ханьчжи напоминала волчок, который невидимая плеть подгоняла кружиться в безумном ритме между выживанием, прокачкой навыков и попытками увильнуть от дел. Она была так занята, что мечтала о даре раздвоения личности!

Она использовала любую возможность побыть одной, чтобы тайком повторить навыки, которыми владела прежняя хозяйка тела.

К счастью, дерево навыков у той было... весьма причудливым.

Помимо каллиграфии, которая еще хоть как-то поддавалась критике, в рукоделии, верховой езде и стрельбе из лука она была сущим дилетантом.

Закрыв двери и окна и отослав служанок, Шан Ханьчжи, полагаясь на мышечную память, понемногу восстанавливала прежний почерк.

А вот половинчатые умения в фехтовании и верховой езде стали настоящей головной болью.

Сослаться на тайные тренировки?

Стоило ей начать двигаться чуть активнее, как острый, словно клинок, взгляд принцессы тут же вонзался в неё:

— Опять ты за старое? Что ты на этот раз задумала?

Что же до рукоделия?

Прежняя владелица тела в этом деле была просто безнадежна, а у Шан Ханьчжи при виде иглы с ниткой начиналась дурнота.

После нескольких попыток подушечки пальцев, покрытые тонкой кожей, краснели и опухали. Всякий раз после таких мучительных «повторений» она валилась на кан, как выжатая соленая рыба, и мысленно взывала:

— Актерская игра — это так тяжело, честное слово, хуже, чем бежать три километра!

Дневное время было намертво заблокировано «ускоренным курсом выживания во дворце» под руководством четырех нянюшек.

Взгляд нянюшки У метал молнии, а линейка в её руках была готова в любой момент пуститься в ход:

— Гэге, поясницу подберите! Эта ваша манера выпячивать грудь — чисто мужская повадка! Гэге должна быть подобна гибкой весенней иве, понимаете? Плечи не опускать, дыхание сдерживать, взгляд опустить! Опустить! Не нужно рассматривать муравьев на полу, это называется скрыть остроту взгляда! Понимаете? При ходьбе основной упор на каблук...

Нянюшка Чжоу с сияющей улыбкой подносила гору отчетных книг:

— Гэге, прошу взглянуть: это описи полей, лавок, списки управляющих... а здесь предпочтения и табу знатных дам, правила ведения светских бесед.

Эти бесконечные сложности и тяжелый груз власти давили на Шан Ханьчжи так, что перед глазами плыли круги, и ей хотелось просто лечь и не шевелиться.

Ваньюнь и Люйюнь отвечали за «практические занятия и проверку имущества».

Драгоценные головные уборы и переливающиеся шелка раскладывались для пересчета, протирки и занесения в реестр. Шан Ханьчжи, словно марионетка, вынуждена была признавать право собственности на это «необъятное богатство»:

— Эту ширму из сандалового дерева с инкрустацией перламутром нужно разбирать вот так...

— В этой шкатулке каждая жемчужина идеальной формы...

— Эта двусторонняя вышивка Восемь бессмертных празднуют долголетие дарована самой Вдовствующей императрицей... её нужно хранить бережно...

Даже с её современной душой она чувствовала головокружение. С одной стороны, она быстро подсчитывала в уме, сколько золотых гор это стоит, а с другой — была ослеплена художественной ценностью этих изделий:

— Ох, какая роскошь... настоящее наслаждение!

В перерывах между тренировками Шан Ханьчжи отправлялась в главный двор, чтобы отметить у матушки-принцессы, стараясь поддерживать образ глубоко раскаявшейся и стремительно меняющейся дочери.

Под проницательным взглядом принцессы её актерская игра совершенствовалась с каждым днем. Иногда она с чашкой чая в руках произносила мягкие, угодливые слова, а иногда, затаив дыхание, слушала наставления, кивая, как клюющий зерна цыпленок, и повторяя: Дочь понимает. При этом спина её оставалась прямой, а пальцы в рукавах судорожно сжимались от напряжения.

По сравнению с этим кабинет отца-зятя был словно передышка.

Шан Чжилун мягко расспрашивал об успехах в учебе и помогал ей справиться с тревогой о будущем. Шан Ханьчжи точно дозировала свои эмоции, демонстрируя ровно столько стойкости и растерянности, сколько было нужно, чтобы в глазах отца-зятя промелькнуло еще больше участия.

Когда эта удушающая «усиленная подготовка» ставилась на паузу и удавалось ускользнуть из-под надзора родителей и нянюшек, Шан Ханьчжи сломя голову мчалась на «зарядную станцию» в резиденции принцессы.

Беседка у пруда была её тайным убежищем. В зеркальной глади воды отражались павильоны.

Успешно отправив служанок прогуляться, она садилась на резные перила, сбрасывала обувь и опускала босые ноги в прохладную воду, наблюдая за игрой золотых рыбок.

Свежий ветер приносил аромат трав — это были редкие моменты, когда она чувствовала, что Система дает ей передышку.

— Подумать только, это озеро больше нашего стадиона, тот, кто проектировал этот сад, был настоящим маньяком строительства!

— Если лежать здесь под солнцем, я смогу бездельничать до самого конца света!

Шезлонг был готов.

Лежать под солнцем, потягивая ледяной настой из кислых слив — это был её вариант древнего чая с молоком!

Библиотека была местом, где она просто слонялась без дела.

— Читать? Убейте меня! Вертикальные строки на классическом языке — это же настоящая ментальная пытка!

Что её действительно восхищало, так это изысканное оформление книг, запах старины и внушительные книжные полки. Она выбирала только книги с красивыми иллюстрациями и

путевые заметки, рассматривая их как бесплатную выставку древнего искусства.

— Ого, эта техника гунби просто невероятна, так жаль, что нельзя похвастаться... Но в качестве заставки на экран подошло бы отлично!

А маленькая кухня была её главным источником счастья!

Стоя у печи, вдыхая сладкий аромат и наблюдая за тем, как кухарка творит свои чудеса, она пользовалась моментом, чтобы украдкой сунуть в рот горячее лакомство. Этот сладкий, тающий во рту вкус был мощным энергетиком, помогавшим восполнить силы, потраченные на актерскую игру.

Добрая Чжиянь позволяла ей быть «главным дегустатором» и заботливо спрашивала о предпочтениях. Иногда Шан Ханьчжи набиралась смелости и бормотала:

— А в тот сахар с османтусом... можно добавить еще чуточку сладости? Или, может, положить немного медовых бобов?

Первобытная любовь к еде всегда помогала немного приглушить печаль по ушедшей эпохе.

Однако это спокойствие, достигнутое с помощью вкусовностей, было в одночасье разрушено словами принцессы.

— Ханьчжи, — тон принцессы был непреклонен, — завтра отправишься со мной в храм Гуанхуа на Западных горах, чтобы очистить мысли.

Принцесса посмотрела на неё глубоким взглядом и четко произнесла:

— И еще, Князь Чунь... тоже будет там. В то время вы с ним, совершенно случайно, прогуляетесь по кленовой роще на задней горе, полюбуетесь осенними пейзажами.

Эта новость была подобна ведру ледяной воды, вылитому на голову посреди лютой зимы.

Шан Ханьчжи почувствовала, как только что восполненные шкалы здоровья и энергии мгновенно обнулились.

В голове пронеслось:

— Всё, свидание вслепую, от которого не спрятаться, назначено раньше времени?!

— Матушка, нельзя же так ускорять сюжет, я еще сценарий не выучила!

— Спасите, еще не поздно сдать билет?!

<http://bllate.org/book/18814/1830158>